

В последнее время мне не дает покоя замечательное булгаковское слово «лихолетье». Слишком часто стал я его вспоминать — видимо, очень уж пришлось ко времени. В настоящий момент мы вступили, кажется, в кульминацию «лихолетья» — делят власть, толкуют о том, что ее нет, пытаются захватить ее. А власть, между тем, есть, и совсем в другом измерении. Власть страшная, благо, мы сами ее отпустили, или, как теперь принято выражаться, «либерализировали».

Но я — человек театраль- ный, мне ближе терминология этой сферы. Поэтому скажу так: мы отпустили «бешеные деньги», и они во всю правят свой страшноватый бал. Впрочем, во все века и во всех странах деньги совершенно определенным образом влияли на нравственную жизнь народов. Мы же сегодня, как это нам вообще свойственно, забежали в конец очереди. У нас — первая стадия этапа первоначального накопления. Деньги зарабатываются «на бойких местах». И сколько бы мы ни говорили, что «бешеные деньги» начинают работать на культуру, в действительности все, мягко говоря, иначе. Иные деньги, иные вкусы, иные задачи. Трудно себе представить, что «котмытые» деньги будут вложены в нечто подобное Художественному театру или Шляпинской студии. Да и просят денег заступую не те, кто по художественным критериям этого достоин. Последним, как правило, этого делать не умеют. Между тем новоявленные денежные люди в большинстве своем не обладают способностью отличить зерна от плевел. Для этого, простите, нужна «порода», родословная... Мамонтов, Рябушинский, Морозов... Чтобы подобные индивидуумы появились, нужно минимум три поколения. Я уже не доживу.

Поэтому стараюсь мыслить конкретной ситуацией и думать о том, что смогу сделать сегодня, сейчас, сию минуту!

В чем, на мой взгляд, задача театра вообще и возглавляемого мной Театра имени Вл. Маяковского, в частности. Каждый сезон ныне мы проживаем как последний. И не потому, что пессимистично, смотрим в будущее, а потому, что понимаем: стоит только один раз, на одном спектакле, потерять ориентиры, ослабить критерии, «соблазниться» — и пиши пропало. Каков же ори-

ентир? Он и очень высок, и одновременно вполне конкретен: сохранить театр таким, каким не год и не десятилетие формировался именно русский театр. Не растерять ценности. Трудно даже определить, какого они свойства: нравственного или эстетического — настолько они неразрывно сплетены в русском сценическом искусстве. Добавлю, при этом отечественная сцена в лучших своих образцах неизменно была барометром времени. Нет, не «услужливым котликателем» на очередную злобу дня,

шей кучке нуворившей очередной «Бал у Сатаны» или что-то в этом роде. Так что история Юленьки Тугиной, окунувшейся в сомнительное «Эльдорадо», оказалась нынче особенно смешной и страшной.

Мы обратились к малоизвестной пьесе А. Н. Толстого «Кукушкины слезы» и снова были поражены — ба, да ведь это наши слезы, «невидимые миру» а его «лихолетья». Представьте себе старый, запущенный дом в стиле «ампира», где переживает свои сумерки компания интеллигентов. Прозяба-

и шекспировскую пьесу «Как вам это понравится?». И надеюсь, что это понравится. Как прекрасно, что можно сбегать от всех этих путчей, митингов и проч. в Арданский лес. Окунуться в экологию счастья. А ведь пьеса начинается с «переворота» и «установления тоталитарного режима». Чудесно, не правда ли?

Вообще пора серьезнее задуматься о профессии. Мне кажется, сейчас особенно важно заниматься мастерством, все остальное — хлесткие фразы,

ва. А в этом случае — дело опасное, ибо талантливый, разительный человек, с циничной легкостью обнажающий свое неприглядное нутро, легко заражает аудиторию. Грех становится соблазнительным, допустимым, и тогда уже все заповеди под вопросом. Можно так, а можно и эдак. Вот и создается в обществе криминальная обстановка.

Между тем Театр вообще, а русский в особенности, всегда был глубоко нравственным по отношению к своей аудитории. И вполне конкретным в своих высказываниях, даже тогда, когда жил в идеологических тисках, прибегал к инако- сказаниям, к эзопову языку. И всегда Театр был выше голого зрелища. Он был силен прежде всего своим содержанием. Таким и должен оставаться.

Недавно я обнаружил вроде бы очевидное: корень слова «порядочность» — «порядок». Вот ведь, оказывается, что порядочные люди, как правило, привержены порядку. Во всем — в работе, в быту, в образе мыслей, в своих обязательствах перед людьми. Порядочность считалась одним из кровных свойств русской интеллигенции. Элементарная человеческая чистоплотность. И вот пришло «лихолетье», одним из ярчайших признаков которого стал беспорядок. Он царит во всем, куда ни кинь сво- вейший взор — начиная с руководства страной, кончая улицами городов, смущением умов и душ, нравственной дезориентацией. Я (упаси Бог!) не сторонник ежовых рукавиц. Но отсутствие порядка и порядочности на каждом шагу меня попергает в ужас. Так жить нельзя.

В этой связи хочу обратить внимание на новый феномен нашей жизни — советы бывших соотечественников из зарубежного «далека» — как жить здесь. Слов нет, есть разные советы и разные люди. И все же зачастую выглядит это не лучшим образом. По-моему, появилась целая категория людей, зарабатывающих на этом нравственный капитал. Получения выглядят солидно, красиво. Но, право слово, делать это куда легче и безболезненнее, нежели пытаться жить здесь и наводить порядок в собственном доме. Мне надоело получать указания. Мне хотелось бы самому во всем разобраться и, живя здесь, делать то, что я считаю необходимым.

Записала
Н. КАМИНСКАЯ.

Андрей Гончаров

НАШ «ЛАС-ВЕГАС»

(хотя в еще недавние времена и этого «добра» было предостаточно). Театр видится мне как некая чуткая, совестливая персона, которая просто не может быть слепой и глухой к действительности.

Не так давно мы дали вторую жизнь эфросовскому спектаклю «Наполеон I». Нынешний «Наполеон» — не только дань памяти замечательному мастеру. Он получил неожиданно острое, своевременное звучание именно в наши дни. О чем эта пьеса, написанная в годы гитлеровского шествия по Европе? Да она — о временщиках, об этих уродливых фантомах всех времен и народов. Предательство временщиков, их судороги в борьбе за власть — ах, как это узнаваемо! Вот и Наполеон — Филиппов в нынешнем нашем спектакле очень узнаваем. Этот из тех деятелей, что шагают вверх уже не по лестнице — по воздуху.

«Последняя жертва» А. Н. Островского, этого русского Шекспира, неизменно надобного сцене во все переломные моменты истории, тоже неожиданно попадает сегодня в самое «блочком». Продажность всего и вся — от второсортных тряпок, игры в рулетку и до торговли живым товаром. Перед нами отечественный «Лас-Вегас», в сотни раз более безобразный, потому что — свой. Или, если угодно, более близкое сравнение, это наш сад «Эрмитаж», который беззастенчиво распродается, из которого изгоняется театр, чтобы взамен предложить разжирев-

ют, философствуют и пьют. Вдруг в их жизни появляется женщина и вместе с ней — луч света. На какие же деяния сподвигла их героиня? Она решает открыть в этом доме театр. Каково! Театр — единственное, что остается этим наивным, замечательным русским людям. «Колдовское озеро», напоминающее Чехова, старый дом, подобный флигелю в Любимовке Станиславского, и Театр — прекрасная возможность русскому человеку «с его умом и талантом» хоть таким образом взглянуть в свой затравленный день. Если Войничский вослицил, что мог бы стать Достоевским или Шопенгауэром, то герой «Кукушкиных слез» поднимается в собственных глазах тем, что сможет сыграть Отелло... Как все это грустно, как смешно и как знакомо.

Я по-прежнему увлечен театральной молодежью и намерен включать воспитанников студии при театре в самый активный репертуар. Сейчас работаю с ними над «Петербургом» А. Белого, который, как и все произведения «серебряного века», звучит сегодня очень свежо. Наш спектакль будет называться «Красное домино». Этот зловещий образ, символ насилия и вседозволенности, захотелось выделить в название, ибо разве нечто подобное не гуляет и по нашей жизни? Разве не трещат по швам нравственные институты? А этот треск куда как более тревожен, чем тот необразимый шум, что исходит от институтов политических.

Ставлю со своей молодежью

эффективные названия — от лукавого. Театр возвращает свою самоценность. Мне моя роль представляется как способность распределить актерскую энергию на благо замысла спектакля, выявить в актерах индивидуальность, заразительность. Театр человека, о человеке и для человека — так примерно можно это сформулировать. Я вовсе не настаиваю на единственности своего взгляда и метода. У нас в Театральном институте собраны сегодня лучшие режиссеры Москвы, и все они разные, и это прекрасно. Но все они так или иначе сфокусированы в своем творчестве на человеке, на личности. А мало ли мы видим ныне спектаклей, где на нас обрушивается поток пластических изысков, странностей, шокирующих эпизодов? Через 10—15 минут начинаешь чувствовать монотонность, к концу 1-го акта понимаешь, что до смысла не докопаться. Да чего уж там — его частенько и нет, а изыски просто прикрывают отсутствие художественных возможностей. Думаю, что, несмотря на внешнюю театральность, подобные спектакли — явление псевдотеатра.

Ныне нас все время призывают дивидеологизироваться. И это, наверное, правильно. Уже очень мы были зажаты, зашорены. Но теперь, по-моему, другая крайность. Или — ни о чем, или — обо всем и с такой степенью раскованности, что хоть святых выноси. Меня порой пугает та бесцеремонность, с которой люди стали раскрываться с худших своих сторон. В том числе — и люди искус-

Культура. — 1993. — Лют. — с. 8.

19